

Суй И заснул.

Гу Ван, привалившись к стене, застыл в позе разочарованного человека — он-то ждал, что Суй И продолжит разговор.

В душном автобусе пришлось долго стоять, встал он ни свет ни заря, и теперь, стоило Суй И вытянуться на кровати, как всё вокруг начало вращаться, увлекая его в чёрную воронку. Сквозь сон он смутно слышал, как в комнате переговариваются соседи, но сознание уже уплыло, тело словно налилось свинцом, и пошевелиться не было никакой возможности.

Гу Ван долго наблюдал за тем, как мерно вздымается живот Суй И в такт его дыханию. Неужели и правда уснул?

Гу Ван нахмурился и выпрямился. Его грызло раскаяние: не стоило тогда строить из себя невесту что и делать многозначительные паузы. Надо было, когда Суй И спросил, учился ли он в третьей школе, тут же парировать: Да, учился, и что с того? Посмотрел бы я, что бы он ответил.

Цао Хэли, заметив недовольное выражение лица Гу Вана, стал разбирать вещи ещё тише.

Скука.

Почему студенческая жизнь такая скучная? В комнате всего четверо, разве тут устроишь веселье?

Гу Вану стало тесно и неудобно. Даже сидя на кровати по-турецки, он чувствовал, что полутораметровая койка не вмещает его коленей. Не дожидаясь лестницы, он, опираясь одной рукой на перила, спрыгнул вниз.

Ян Хунлэ, занявший первую кровать, был старостой 603-й комнаты.

Приземлившись, Гу Ван в тапках подошёл к нему и, уставившись на бирку, проворчал:

— С чего это ты первый номер?

— А для натурала есть какая-то разница между первым и нулевым? — Ян Хунлэ аккуратно расправлял постель.

Гу Ван не мог этого понять:

— Почему я четвёртый?

Номер кровати оказался меньше, чем у Суй И, и это задевало.

— Ты вечно ищешь повод поспорить, — Ян Хунлэ подошёл к двери, где на внутренней стороне криво висел список распределения по комнате. — Я с английского отделения, вот и первый. Цао Хэли — второй, он тоже с нашего потока. Потом Суй И — испанист, и ты — француз. Вы оба на редких языках, единственные в группе, что ж теперь, каждому по отдельной комнате выделять?

Тц.

Два «редких экземпляра».

Гу Вану стало немного легче.

Суй И спал беспробудным сном. Телефон, зажатый под щекой, звонил уже несколько раз, но он не слышал. Зато услышал Ян Хунлэ и не выдержал, постучал по кровати:

— Суй И, Суй И, у тебя телефон звонит.

— А? — Суй И вздрогнул и резко сел. На правой щеке отпечатался след от чехла телефона.

Он проснулся в поту, растерянный, забыв, где находится и кто он такой. Уставившись на облупившиеся обои, он лишь через время вспомнил: точно, он же поступил в университет. Это место, где ему предстоит провести следующие четыре года.

Ян Хунлэ снова напомнил, что ему звонят. Суй И опустил глаза, длинные ресницы отбрасывали тень на веки, и холодно бросил:

— Понятно.

Он впервые жил в общежитии, да ещё и на верхней полке — непривычно. Пока он засыпал, ему всё казалось, что он вот-вот свалится, он несколько раз вздрагивал, но так и не проснулся до конца.

Если бы Ян Хунлэ не знал Суй И, он бы решил, что тот накрашен: кожа такая бледная, губы тонкие и яркие, даже спросонья выглядит безупречно... Даже если он гей, вряд ли его потянет на такого, как Гу Ван. Ну правда, вряд ли.

Суй И положил телефон на подушку и нажал ответ:

— Цзинь Шаньшо, я сплю, чего ты названиваешься?

Не дожидаясь ответа, он снова лёг, повернувшись лицом к стене и зажав одеяло между ног, обнажив гладкую полоску спины. Наушников не было, и хотя громкую связь он не включил, в тишине комнаты всё было слышно.

Гу Ван, сидевший за своим столом перед компьютером, невольно наострил уши.

Цзинь Шаньшо на том конце провода воодушевлённо затараторил:

— Ты разобрался с вещами? Давай скорее к нам!

— Куда к вам? — Суй И был сонный, в его голосе проскальзывали детские нотки.

— В наш вуз! Чёрт возьми, ты не представляешь, какие тут девчонки! Ноги от ушей! — Цзинь Шаньшо учился на художника, вокруг него всегда было полно красавиц.

Суй И зевнул:

— Кому это нужно? У нас в группе я один парень, остальные — сплошь красавицы.

— Твою ж, — позавидовал Цзинь Шаньшо. — Ладно, я пообедаю с соседями и после обеда загляну к тебе.

— Хорошо.

Суй И собрался повесить трубку, но Цзинь Шаньшо крикнул:

— Поешь обязательно! Студгородок далеко от больницы, если опять ночью желудок прихватит, мне некому тебя везти!

Первокурсникам в общежитие после отбоя нельзя, вахтёрша никого не выпустит.

— Не понадобится, — отрезал Суй И и завершил вызов, тяжело вздохнув.

Почему у всех такие хорошие отношения с соседями?

Как только он положил трубку, пришло сообщение от Цзинь Шаньшо.

Дашань: Не держи всё в себе. Новое место — новая жизнь. Заведи друзей, а то я каждый раз, когда сажусь обедать, переживаю, не помер ли ты с голоду.

Суй И прочитал, но отвечать не стал. Если бы он ответил, это был бы уже не он.

Суй И с младших классов плохо питался, заработал гастрит. В выпускном классе совсем перестал следить за здоровьем, и Цзинь Шаньшо, живший в квартире напротив, не раз среди ночи возил его под капельницы. Цзинь Шаньшо знал, что Суй И не хочет лишний раз волновать родителей, и часто терпел боль молча.

Каждый раз, когда Цзинь Шаньшо понимал, что дело плохо, он без лишних слов садился на мопед и вёз его в больницу, возвращаясь под утро. Если родители его ловили, он прятался в спальне, придумывая отговорки, мол, в компьютерном клубе засиделся.

Родители Цзинь Шаньшо тогда таскали его за уши и ставили в пример соседа Суй И: вот, мол,

бери пример, какой послушный, родителей дома нет, а учится как хорошо. Но Цзинь Шаньшо знал: Суй И больше всего на свете ненавидел, когда при нём говорили про отсутствие родителей.

Суй И не выносил жалости к себе, поэтому вёл себя агрессивно, был колючим и холодным, не давая никому шанса себя пожалеть.

Гу Ван, слушая это, недоумевал. Разве Ян Хунлэ не утверждал, что у Суй И нет друзей? Ни одного близкого человека, а тут вон кто-то звонит. Не парень же, в самом деле.

Гу Ван почувствовал себя странно. Неужели те, кто безответно влюблён, такие ветреные? Раз не признался, значит, можно ни за что не отвечать? Только разносить слухи о своей любви, не предпринимая никаких действий, заставляя объект симпатии постоянно нервничать. Хотя с чего бы это Гу Ван так разволновался?

Когда Ян Хунлэ закончил с делами, он споткнулся о чемодан Суй И. Суй И, похоже, был совсем не приспособлен к быту — избалованный маменькин сынок. Тридцатидюймовый чемодан был набит вещами как попало, и после того, как его открыли, закрыть обратно было невозможно.

Молния не сходилась, чемодан стоял полуоткрытым, и после того, как Ян Хунлэ его задел, часть одежды вывалилась наружу. Ян Хунлэ принялся суетливо собирать вещи, встряхивать их и запихивать обратно.

Он не собирался лезть в чужие вещи, но когда застёгивал внутренний карман, из него выпал кошелёк. Самая обычная мужская модель, чёрная кожа с тиснением. При падении кошелёк раскрылся.

Ян Хунлэ увидел, что в прозрачном кармашке лежит фотография. Кошелёк был набит до отказа: там были таблетки от укачивания, влажные салфетки, наушники, всё что угодно, только не деньги. А в прозрачном окошке — фотография Гу Вана, сделанная для документов в выпускном классе.

Ян Хунлэ на секунду решил, что кошелёк принадлежит Гу Вану, но, присмотревшись, понял: он выпал именно из чемодана Суй И.

Ян Хунлэ застыл с открытым ртом, дрожащими руками запихнул кошелёк обратно. Не зная, спит ли Суй И на самом деле, он схватил телефон и написал Гу Вану.

Ян Хунлэ: Случилось страшное!

Гу Ван, взглянув на экран, откинулся на задние ножки стула и обернулся к Ян Хунлэ:

— Ты больной?

Ян Хунлэ жестом велел ему молчать и смотреть в телефон.

Ян Хунлэ: Суй И, похоже, реально в тебя влюблён. Я видел в его кошельке твоё фото!

Гу Ван вытаращил глаза и прошептал:

— Чёрт...

Гу Ван: Зачем ты лазил в его кошельке?

Ян Хунлэ: Я не специально! Чемодан не закрывался, кошелек выпал. Не верится даже, это не ты сам его туда подложил?

Гу Ван: Я что, больной?

Гу Ван нахмурился, думая о том, какой же Суй И мастер притворства — делает вид, будто они едва знакомы.

Закончив с уборкой, Ян Хунлэ подмёл пол и позвал Гу Вана на обед. По идее, им стоило бы сходить всей комнатой, но Гу Ван почему-то невзлюбил Цао Хэли, а Суй И выглядел так, будто готов проспать до самого Нового года.

В итоге Гу Ван, будучи душой компании, отправился в 601-ю и 602-ю комнаты, где жили ребята с потока Ян Хунлэ. Набралась весёлая компания из семи высоких парней, которые всю дорогу до столовой шумно знакомились.

В столовой народу было полно, и они разбрелись. Пообедав на втором этаже, Гу Ван спустился вниз, прижимая к себе новый баскетбольный мяч — он собирался на площадку.

— И не жарко тебе? — Ян Хунлэ, уже поевший, взял на раздаче ещё одну порцию риса. — Иди играй, я в общагу.

Гу Ван уставился на тарелку в его руках и нахмурился:

— Ты что, не наелся?

— Это для Суй И, — не задумываясь, ответил Ян Хунлэ.

Гу Ван замер и странно посмотрел на него:

— Зачем ты ему несёшь? Он тебя вообще знает?

— Главное, что я его знаю. Я староста, он утром говорил, что у него гастрит. Столовая закрывается в два, сейчас уже час сорок, он точно не успеет.

Ян Хунлэ с детства был очень внимательным, в нём жила натура «мамочки». Они вышли из столовой, солнце палило нещадно, баскетбольная площадка была прямо напротив.

Гу Ван чувствовал себя не в своей тарелке:

— Слушай, так ты его только запутаешь.

Ян Хунлэ вытаращил глаза:

— В чём запутаю? Что я в него влюбился?

— Нет, я боюсь, что он решит, будто я в него влюбился. Он по мне сохнет, ты — мой кореш, и вдруг несёшь ему еду. Сам прикинь, как это выглядит, — прошептал Гу Ван.

Ян Хунлэ закатил глаза:

— Я твой друг, а не «кореш» и не прихлебатель, это разные вещи. Успокойся. И вообще, кто не знает, что ты натурал? Ещё не факт, что это фото туда Суй И положил.

— А кто, я что ли? — парировал Гу Ван.

Ян Хунлэ вздохнул:

— Я же говорю — безответная любовь. Суй И, похоже, вообще не хочет с тобой связываться, просто не лезь к нему, и всё.

Зря он всё-таки рассказал это Гу Вану.

Гу Ван продолжал злиться:

— Раз я знаю, что он в меня влюблён, как я могу притворяться, что не знаю?..

Гу Ван совершенно не умел играть роли, он был прямолинейным парнем, у которого всё написано на лице.

— Да будь ты хоть сто раз самовлюблённым, Суй И сам этого не признавал, так что не бери в голову.

У Ян Хунлэ зазвонил телефон — в группе старост требовали явиться в учебный корпус А на собрание.

Ян Хунлэ взвыл:

— Серьёзно? Многие ещё даже не заселились, а уже собрание? Что за манера?

Гу Ван внезапно сказал:

— Иди, давай еду мне. Я сам отнесу.

— Ты же на баскетбол собирался? — Ян Хунлэ спрятал тарелку за спину. — Если ты сам принесёшь, он ещё больше решит, что ты в него влюбился.

— Слишком жарко, схожу вечером, — Гу Ван с честным видом отобрал еду. — Главное, что у тебя в голове каша. Твоя мама доверила мне тебя, я тебе как брат, не могу позволить тебе совершить ошибку. Давай сюда.

— Когда я чемодан таскал, ты не был моим братом.

<http://bllate.org/book/21745/2248074>